

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ 25 К. И НА СТ. 30 К. РОЗН. ПРОДАЖЪ НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 38

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
15 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

30
КОНТРАКТИВНО
ВЪ СТАНЦІИ

ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Вильгельмъ II (услышавъ крики голодной толпы на улицѣ): — О, доннеръ-веттеръ! Они нажрутса кошекъ и устраиваютъ мнѣ потомъ кошачьи концерты.

А В С Т Р И Й С К И Й О Р Е Л Ъ.

Русский медведь: — Хотя у меня и есть четыре мясупустных дня въ недѣлю, но эту птицу я могу ѣсть каждый день!..

В О Я Ж Е Р Ъ.

Я — вояжеръ, бываю всюду,
Сегодня вечеръ золотой.
Встрѣчаю здѣсь, а завтра буду
Опять за новою чертой.
Опять крыльцы знакомыхъ лавокъ,
Торговли хитрые пути,
Кругомъ — друзья, дорожный навикъ
Къ любому сердцу ходъ найти.
Соображенья и расчеты,
Ажуръ художественныхъ путъ,
Скрипятъ перо и вторятъ счеты
Шагамъ немедлящихъ минутъ.
Проходитъ день, за встрѣчей — встрѣча,
Нужны и радостны онѣ,
Я — вояжеръ, поэтъ-предтеча
Другихъ такихъ, подобныхъ мнѣ.
Въ пылу веселаго разсказа
Ударъ лукавства и обманъ,
Недаромъ съ каждаго заказа
Плывутъ проценты въ мой карманъ.
Бумажникъ мой, набитый туго,
Сослужить службу вновь и вновь:
Куплю почетъ и вѣрность друга
И неизмѣнную любовь.
Когда жъ забьется сердце пѣсней,
Тогда спою ее для птицъ,
Тогда уйду я тихо въ лѣсъ съ ней,
Въ туманъ синѣющихъ границъ.
Я — вояжеръ, бываю всюду,
Сегодня вечеръ золотой.
Встрѣчаю здѣсь, а завтра буду
Опять за новою чертой.
Сейчасъ мнѣ пусто и досужно
Закатъ, пылая, плавить мѣдъ.
Прощайте! Пѣсней вамъ не нужно,
А я хочу оеподня пѣть.

Валентинъ Горянский.

КОРОВА, КОТОРУЮ НУЖНО ПОВѢСИТЬ.

(Басня прозаическаго содержанія.)

Дороговизна, дороговизна...
Мало ли что — дороговизна. А я того мнѣнїя, что если дощупаться до корня дороговизны, то его очень легко выкорчевать и уничтожить...
Напримѣръ: масло.
Прихожу я вчера въ магазинъ, говорю:
— Дайте мнѣ фунтъ сливочнаго масла.
— Извольте.
— Почему?
— Два рубля.
— Пудъ?
— Фунтъ.
— Врете.
— То-есть?
— Да такъ: врете. Не можетъ этого быть. Въ этомъ кусочкѣ сколько?
— Фунтъ.
— И этотъ кусочекъ стоитъ два рубля? Двѣ желтенькихъ рублевыхъ бумажки, хрустящихъ, красивыхъ, изящно отпечатанныхъ въ Экспедици Заготовленїя Государственныхъ бумагъ? Вотъ этотъ гнусный обрубокъ сѣро-палеваго вещества стоитъ два прекрасныхъ, два красивыхъ рубля?!
— Такъ точно.
— Врете.
Я вынулъ изъ кармана револьверъ, приставилъ къ виску приказчика и сказалъ:
— Если вы не скажете мнѣ, сколько вы зарабатываете на фунтъ, я спущу курокъ.
Онъ упалъ на колѣни.
— О, клянусь вамъ, добрый господинъ, что мы беремъ всего 25 процентовъ прибыли.
Я брезгливо оттолкнулъ его ногой.
— Я вѣрю тебѣ, собака! Пойду дощупываться дальше.
Пришелъ къ оптовику.
— Почему ставите въ лавки фунтъ сливочнаго масла?
— Полтора рубля.
— А вамъ обходится?
— Рубль съ четвертакомъ.
Снова я вынулъ револьверъ.
— Врете. Не можетъ быть рубль съ четвертакомъ.
Онъ палъ ницъ, обнимая мои колѣни.
— О, повѣрьте мнѣ! Крестьяне, имѣющіе коровъ, про-

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
НОВАЯ КНИГА
АРК. ДВЕРЧЕНКО.

„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“.

даютъ намъ масло по рублю съ четвертакомъ. При чемъ же мы тутъ?..

Я съ омерзѣниемъ ударилъ его по затылку, тщательно вытеръ руки носовымъ платкомъ и пошелъ дальше.

— Здравствуй, мужичокъ.

— Будьте здоровы.

— Скажи, это ты имѣешь коровъ? Это ты дѣлаешь масло? Это ты продаешь его по рублю съ четвертакомъ?

Увидѣвъ револьверъ, онъ взмолился.

— За что обижать изволите? Мы къ этому дѣлу не причинны! Съ насъ корова беретъ по рублю за фунтъ, такъ неужели же намъ четвертака не нажать?

Его я даже не ударилъ. Противно было.

* * *

Корова стояла въ стойлѣ. Увидѣвъ меня, покосилась, но промолчала.

— Корова будете? — спросилъ я, начиная издалека.

— Корова.

— Молоко даете?

— Кому даю, а кому и не даю, — неопредѣленно отвѣтила корова.

— Такъ-съ, такъ-съ. Такочки. А вотъ мнѣ было бы интересно, почему это вы берете по рублю за фунтъ масла, изготовляемого, какъ извѣстно, изъ вашего многоуважаемого молока?

— А что же, бесплатно вамъ молоко отдавать? Тоже, нашли дойную корову!

— Но вѣдь вамъ же молоко ничего не стоитъ?.. Какъ же вы берете за фунтъ масла по рублю?..

Она уткнулась мордой въ стойло и проворчала:

— Война теперь. Всѣ пользуются, и я пользуюсь. Отчего же и мнѣ не пользоваться.

Я очень обрадовался, что отыскалъ, наконецъ, корень дороговизны масла.

— Вотъ что, дорогая моя... За то, что ты не корова, а свинья, я тебя сейчасъ же повѣшу на этой перекладинѣ...

Внимая изъ кармана веревку, я со злорадствомъ увидѣлъ, какъ это глупое животное поблѣднѣло...

— Вы не смѣете меня вѣшать! Нѣтъ такого закона! Я нахожусь подъ защитой государства!..

— Ну, нѣтъ, дорогая моя. Разъ ты разоряешь государство, государство имѣетъ право тебя карать.

Когда я приладилъ петлю и схватилъ корову за рога, она такъ испугалась, что молоко потекло у нея изъ всѣхъ щелей.

— Ради Бога, — заорала она. — Берите его совершенно бесплатно!..

Она исходила молокомъ, эта трусливая глупая корова.

Я поставилъ подъ нее всѣ бочки, бочонки и ведра, которыя были по близости, а она истекала, бурлила и пѣнилась молокомъ, какъ Ниагара

* * *

Я приставилъ револьверъ къ виску мужичка и спросилъ:

— А теперь сколько ты будешь брать за масло?

— Да два двугривенныхъ дадутъ, мнѣ и довольно. Больше ужъ куда же...

* * *

Я приставилъ револьверъ къ виску оптовика и спросилъ:

— Теперь почему будете ставить масло въ магазины?

— Да полтинничекъ возьму, я и сытъ. Какъ-никакъ, тѣ же 25 процентовъ.

* * *

— Я приставилъ револьверъ къ виску приказчика лавки и спросилъ:

— Почему фунтъ?

— Теперь-то?.. А 62¹/₂ копѣчки. Подешевѣло, слава те Господи!..

И всѣ приходили и покупали сливочное масло по 62¹/₂ копѣчки.

Спрашивается: къ чему рассказана эта необыкновенная исторія?

А очень просто: есть мораль.

Мораль та, что если сдѣлать попытку повѣсить одну другую скотину, то о дороговизнѣ никто и не вспомнить...

Сейчасъ война. Не до сантиментальностей.

Аркадій Аверченко.

ВЪ СКВЕРИКЪ.

Вечерѣть. Сажу въ скверикъ. Давно уже. И не хочется уходить. На душѣ тишина...

Разсматриваю публику и думаю съ улыбкой, какъ хорошо, — ни одного знакомаго лица... Почему это влутъ отдыхать въ Крымъ, на Волгу?.. Отдохнуть можно вездѣ, гдѣ нѣтъ знакомыхъ. Вѣдь нервныя заболѣванья вызываютъ обиліе знакомыхъ...

— Мечтаете?..

Я вздрогнулъ. Передо мной стоялъ плотный лондинъ въ соломенной шляпѣ.

— Не узнаете? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Нѣѣѣтъ...

— Въ банѣ познакомились. Еще зимой. Мнѣ банщикъ указалъ на васъ: «Вотъ этотъ господинъ — писатель». Ну, я поинтересовался и заговорилъ съ вами. О мозоляхъ былъ разговоръ.

— Не помню.

— Ну, все равно, — засмѣялся онъ. — Посажу съ вами. Онъ сѣлъ рядомъ со мной.

— Пишете все?

— Да.

— А какъ вамъ платятъ?

— За строку.

— Сколько?

— Разно, отъ гривенника до полтинника. Смотря, гдѣ...

— А что считается за строку?

— А вотъ... — я развернулъ газету. — Строка столбца.

— А это какъ считается?

— Это тоже строка.

— Но она же не полная, коротенькая.

— Все равно строка.

— А вотъ одно только слово.

— Тоже строка.

Блондинъ недовѣрчиво улыбается.

— Значить, по-вашему выходитъ, что слово, что строка — все равно.

— Въ данномъ случаѣ, да.

— Можетъ быть и это по-вашему строка?

— Гдѣ?

— А вотъ стоитъ одна буква А съ вопросительнымъ знакомъ.

— Да, и это строка.

— Ну, знаете... Это даже обидно. Вы насмѣхаетесь надо мной...

— Ничуть.

Рис. А. Р.

Русскій бѣлый медвѣдь (обкусывая Гинденбурга): — Ъсть-то я его могу, ничего — только одно неудобство: ордена его часто приходится выплевывать!

— Такъ что же, за одну букву платять полтинникъ?
 — Если вамъ вообще полагается за строку полтинникъ, то вы его получите даже за строку изъ одной буквы.
 — Значить, стоитъ вамъ открыть ротъ и закричать: аааааа... и въ карманъ вамъ посыпятся полтинники? Нѣтъ, я положительно обиженъ. Мы съ вами не настолько близко знакомы, чтобы вы могли такъ шутить со мной. Это издѣвательство...
 — Вовсе нѣтъ.
 — А к... к... какже это можно иначе назвать?

— Вы не волнуйтесь...
 — Очень вамъ благодаренъ за совѣтъ... Поберегите его для кого-нибудь другою... Честь имѣю кланяться...
 Блондинъ съ утрированной вѣжливостью приподнимаетъ шляпу и, презрительно улынувшись, уходитъ.
 Я тоже улыбаюсь, но мирно, ласково. У меня такая тишина на душѣ... Этотъ дурачокъ не нарушилъ ея.
 Хорошо безъ знакомыхъ. Вездѣ. Даже въ скучномъ, городскомъ скверикѣ.

В. Черній.

О С Е Н Ь.

Осеннихъ тучъ пожаръ свинцовый
Всклубился низко надъ Невой,
Сталь глуше топотъ по торцовой,
Осклизло-мокрой мостовой.

Лѣнива зыбь. Мерцають, гнутся.
Тугіе, тусклые клинки,
Перекликаясь, тонко рвутся
Въ туманѣ хлипкіе гудки.

Все смутно въ медленномъ ненастьѣ:
Дворцы, ограды, мрежь садовъ,
Вдали, въ дыму тяжеломъ снасти
Какъ будто призрачныхъ судовъ.

То дождевую паутину
Плететь невидимый паукъ.
Иль Петрограду-исполину
Готовить саванъ время-другъ.

Иль духъ болотъ возсталъ и, косный,
Раскинулъ вретиче свое;
И скачетъ всадникъ вѣнценосный
Въ холодный сонъ — въ небытіе.

Александръ Рославлевъ.

ИСКУССТВО ШАНТАЖИРОВАТЬ.

— Вы спрашиваете о «знамени»? Что жъ, я васъ понимаю. Каждый журналъ долженъ имѣть свое знамя, и каждый писатель... Не угодно ли?

При послѣднихъ словахъ онъ протянулъ по моему направлению золотой портсигаръ, отличной работы, покрытый монограммами.

— Не курите? Жаль! Контрабандныя... За сто рублей тысячу здѣсь не достанете. Такъ вотъ о знамени...

Онъ закурилъ.

— Каждый писатель, конечно, имѣетъ право спрашивать, подъ какое знамя его приглашаютъ служить... Виновать, я не такъ выразился. Я хотѣлъ сказать—работать. Только обманываютъ ихъ часто.

Онъ затянулся.

— Да-съ, обманываютъ. Вначалѣ показываютъ красное или бѣлое, а потомъ, послѣ третьяго или четвертаго номера, смотришь, а цвѣтъ ужъ не тотъ. Я не таковъ. Я буду откровененъ. Не стану вамъ давать разныя обѣщанія. Мой журналъ будетъ...

Онъ осторожно отодвинулся, бросилъ въ пепельницу недокурную папиросу и съ нарочитой отчетливостью и ясностью, какъ бы отчеканивая каждое слово, закончилъ:

— Мой журналъ будетъ шантажный.

Выслушавъ его, я спокойно сказалъ:

— Очень пріятно. Чѣмъ могу служить?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Было видно, что онъ совершенно сбился съ толку.

— Позвольте... Позвольте...

Отъ волненія онъ не могъ говорить.

— Я думалъ... Я думалъ, что вы будете возмущены, что будете ругаться...

— Успокойтесь... Не горячитесь...

Онъ снова доверчиво придвинулся ко мнѣ. Я сказалъ ему:

— Вы полагали, что я наброшусь на васъ съ кулаками, начну топтать ногами, кричать... Извиняюсь, что обманулъ ваши надежды. Если на всякаго негодяя бросаться съ кулаками...

— Вы... Вы, кажется, оскорбляете меня.

— Оскорбляю? А я думалъ, что лъщу. Развѣ «негодяй» оскорбительное слово? Это было въ старину... Теперь назвать «негодяемъ» человѣка — значитъ, польстить ему.

— Но вы сказали «бросаться съ кулаками». Это тоже лезть?

— Конечно. Я недавно слышалъ, какъ одинъ банкиръ рассказывалъ другому: «Онъ назвалъ меня мерзавцемъ и далъ два раза по физиономіи».

— Это банкиръ Богдановъ рассказывалъ?

— Нѣтъ. Развѣ его тоже называютъ мерзавцемъ?

— Ого! Сколько разъ. Почти каждый день кто-нибудь его называетъ мерзавцемъ. Такъ не онъ. Дорогиловъ?

— Нѣтъ, и не Дорогиловъ.

— И онъ разъ двадцать получилъ «мерзавца». Швиндельманъ?

— Нѣтъ, другой.

— Значитъ, Протодьяконовъ. «Мерзавецъ» — это почти его псевдонимъ.

— И не онъ. Да не важно это. Важно то, какимъ тономъ банкиръ произнесъ слова: «Меня назвали мерзавцемъ». Такъ средневѣковые рыцари рассказывали о первомъ ударѣ мечомъ, полученномъ на первомъ рыцарскомъ турнирѣ. Съ такимъ удареніемъ говорятъ бурши о первомъ шрамѣ, полученномъ на дуэли.

— Такъ-такъ!—поддерживалъ издатель будущаго журнала. — Это вполне понятно.

— Вотъ вы и согласились со мной. Теперь вы понимаете, почему я васъ не выгналъ, не избилъ, не назвалъ мерзавцемъ.

— Значитъ, вы... вы согласны работать?

— Нѣтъ, работать не буду. Но если разрѣшите, я предложу вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Пожалуйста.

— Вы приступаете къ изданію шантажнаго журнала. Но развѣ мало ихъ?

Издатель сложилъ губы въ презрительную улыбку.

— Вы говорите о существующихъ нынѣ шантажныхъ журналахъ?.. Какіе же тамъ шантажисты! Они только роняютъ достоинство истиннаго шантажиста. Они шокируютъ насъ. Покрываютъ позоромъ наше имя...

— Чѣмъ же они плохи?

— Ремесленники!

— А нужно быть художникомъ?

— Конечно, конечно. Ничтожество они. Вы посмотрите, какъ ведутъ себя эти ремесленники шантажнаго цеха. Въ чемъ ихъ шантажированіе заключается?

Издатель былъ красенъ отъ негодованія.

— Ничтожные, приниженные, они являются въ банки. Ждутъ часами въ пріемной. Ихъ третируютъ. Рукъ не подаютъ. Вы знаете, зачѣмъ они пришли въ банкъ? За объявленіемъ. За какимъ-то ничтожнымъ пятидесятирублевымъ объявленіемъ.

— Неужели, только за этимъ?

— По большей части за этимъ. «Вымогаютъ» объявленія. Иногда до того смѣлѣютъ, что начинаютъ «хлопотать» о

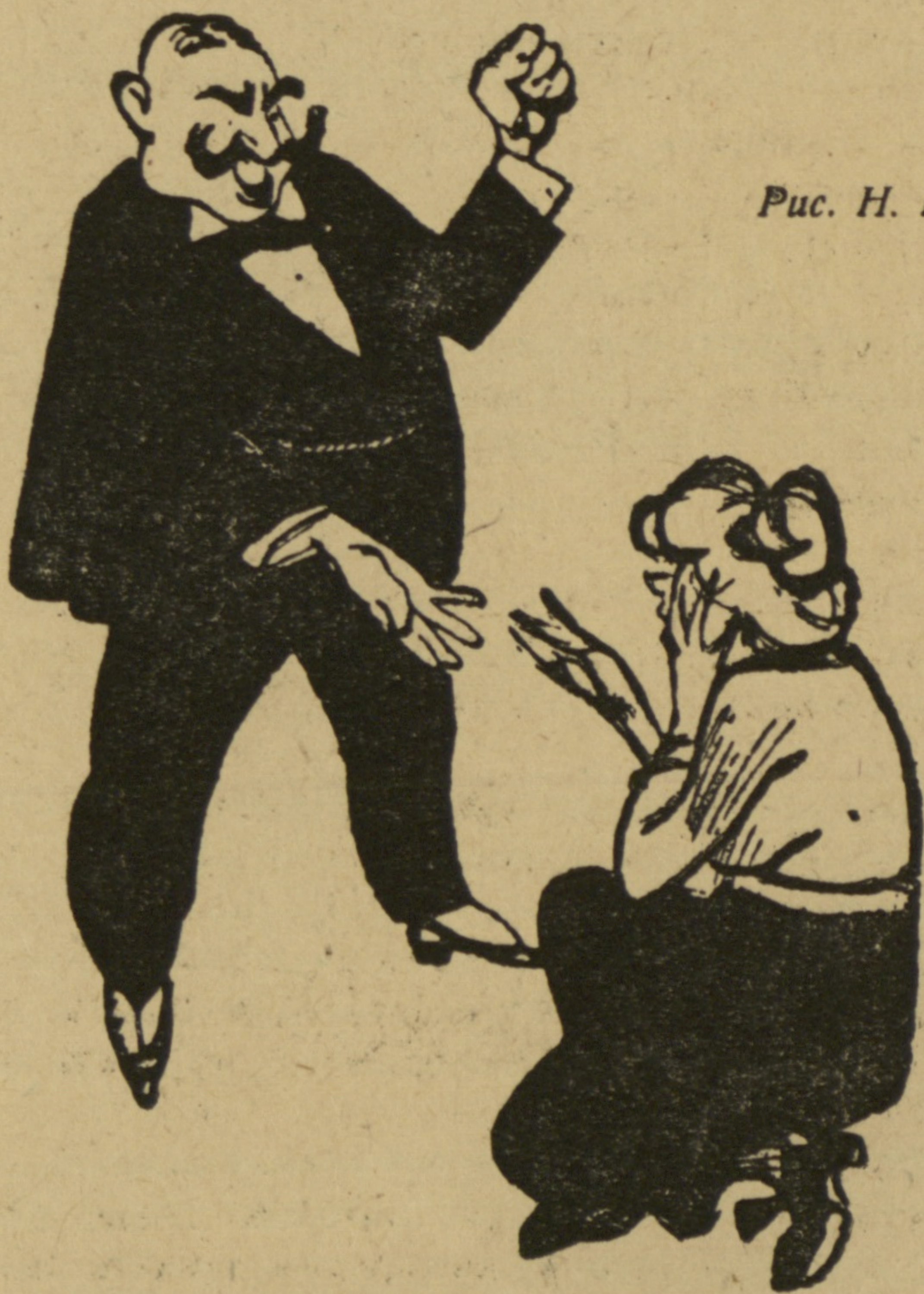

Рис. Н. В.

ПЕРВЫЙ ПОРЫВЪ.

Невѣста: — Я должна вернуть тебѣ твое обручальное кольцо. Я выхожу замужъ за другого.

Женихъ: — Его имя?!

— О, Боже! Ты хочешь его убить?

— Нѣтъ, я хочу ему сбыть по сходной цѣнѣ мое обручальное кольцо.

ХОРОШІЙ ТОНЪ.

Жена новоиспеченнаго миллионера (сыну): — Что ты ковыряешь ножикомъ въ зубахъ? Вилки тебѣ нѣтъ для этого?

тысячерублевомъ кредитѣ. Противно даже говорить объ этихъ... насѣкомыхъ.

— Вы какъ же думаете поставить дѣло?

— О, у меня будетъ не такъ!

— Вы не ремесленникъ, а художникъ?..

— Лъщу себя надеждой, что художникъ.

— Вы въ банки ходить не будете?

— О, нѣтъ! Банки будутъ ходить ко мнѣ... Редакція шикарнѣйшая. Швейцаръ — посолъ, а не швейцаръ. Курьеры. На подносѣ подаютъ карточку: «Предсѣдатель правленія Частнаго Сибирскаго банка». — «Пусть подождетъ...» Черезъ полчаса приказываю: «Просите предсѣдателя правленія Частнаго Сибирскаго банка». Входитъ. Подаю ему два пальца. Онъ кланяется и нерѣшительно сообщаетъ: «Сто тысячъ принесъ...» — «Что-о-о?!» — «Сто тысячъ принесъ... Больше правленіе...» — «Да какъ вы смѣете!.. Тутъ редакція, а не кабакъ. Вы...» — «Честное слово, правленіе не нашло возможнымъ больше ассигновать...» — «Вонъ... Триста тысячъ. Слышите? Съ меньшей суммой на глаза не смѣйте показываться... Тутъ редакція,

— Какъ, неправда! Вотъ...

— Вы врете! Никто къ вамъ не пошелъ.

— Хотите, я вамъ покажу контракты...

Онъ вытащилъ огромный бумажникъ...

— Не надо! Не надо!

— Почему же не надо, когда сейчасъ я вамъ могу показать?..

— Ложь! Ложь! — закричалъ я. — Убирайтесь къ чорту. Я не позволю клеветать на писателей въ своемъ домѣ.

— Да вотъ же контракты...

— И контракты ваши лгутъ. Вонъ!..

Онъ ушелъ, но, увы! Я чувствовалъ, что «художникъ шантажнаго искусства» не лгалъ...

И еще почувствовалъ я, что честному кустарному шантажисту современнаго типа пришелъ конецъ.

Шантажъ сдѣлался искусствомъ. Шантажистъ сталъ художникомъ, и можетъ быть, наоборотъ; искусство сдѣлалось шантажемъ; художникъ сталъ шантажистомъ...

Не разберешь...

О. Л. Д'Орь.

Издатель раскраснѣлся весь. Вдохновеніе свѣтилось въ его глазахъ. Онъ даже похорошѣлъ, и лицо его стало благороднѣе и тоньше.

— Какъ же вы достигнете такого... такого уваженія?

— Независимостью. Я ассигновалъ двѣсти тысячъ на журналъ. Понимаете? На еженедѣльный журналъ двѣсти тысячъ! Это не мало.

— Порядочно.

— Вести свою линію буду тонко, не сразу, а медленно, но вѣрно. Журналъ свой я постараюсь сдѣлать самымъ распространеннымъ.

— А этого какъ вы достигнете?

— Очень просто. У меня будутъ работать лучшіе писатели.

— Ну, ужъ это оставьте. Кто къ вамъ пойдетъ?

— Кто пойдетъ? Всѣ. Вотъ послушайте, кто уже согласился.

Онъ сталъ перечислять имена.

— Неправда! — закричалъ я.

МЯГКОЕ ВЫРАЖЕНІЕ.

— Почему это нигдѣ не видно банкира Мити?

— Ну, какъ же: послѣднее время онъ сталъ вести замкнутый образъ жизни.

Въ Псковѣ.

— Скажите, пожалуйста, у васъ тутъ въ Псковѣ подвозъ хорошій?

— Очень хорошій. Но подвозятъ большей частью предметы роскоши: уже третьяго банкира подвезли.

Около тюрьмы.

— Скажите, что это за зданіе?

— Это? Банкирскаго дома.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Есть еще на свѣтѣ люди, чистые сердцемъ, нетронутые, не заѣденные проклятымъ скепсисомъ...

Напримѣръ — рецензентъ В. Ч. З. въ „Витебскомъ Вѣстникѣ“ пишетъ:

Съ большимъ удовольствіемъ просидѣлъ я на третьей премьерѣ Интимнаго театра.

Любовался переливами драгоценнаго камня чистѣйшей воды и искреннѣйшей грани — талантливой артистки А. Д. Льсковой.

Смотрѣлъ и восхищался, какъ перламутрились улыбки восхитительной парочки Анны Вацкой и Семѣна Пискарева.

Какъ разливался сочный и бархатный голосъ г. Анчарова, — точно сыпался жемчугъ на серебряное блюдо...

И какъ пѣла лирика г-жи Кремневой и вызывала здоровый смѣхъ новый юмористъ и рассказчикъ г. Рогожинъ.

Не могъ оторвать я глазъ отъ порхавшаго балета, съ юной и красивой прима-балериной Тамарой Бѣлой во главѣ, чьи прыжки были легки, свѣжи, свѣтлы и граціозные прежняго.

Чѣмъ больше я смотрѣлъ обширную и интересную программу этого вечера, тѣмъ дольше я не могъ оторваться отъ стула, пока не погасли послѣдніе огни...

Уже всѣ разошлись, уже погасли огни... Уже послѣдній театральнй сторожъ, покашливая и гремя ключами, сталъ собираться домой, а рецензентъ все сидитъ на стулѣ и не можетъ оторваться отъ стула, и ждетъ, и томится:

— Ахъ, неужели все кончено?! Можетъ быть, еще что нибудь будетъ?..

Блаженни кроткіе сердцемъ...

Одинъ охотничій журналъ на-дняхъ такъ разоткровенничался, что не пожалѣлъ своихъ читателей-охотниковъ...

Острота изъ этого журнала:

— Вы что же — охотникъ?

— Нѣтъ, не охотникъ, но соврать я тоже могу.

Это — по принципу:

„Познай самого себя“...

Существуетъ такое сравненіе: „Онъ, какъ страусъ, который прячетъ голову въ песокъ, воображая, что его не видно“...

Г-жа Бебутова въ одномъ изъ своихъ романовъ приписываетъ это свойство другой птицѣ — аисту:

— Ты, какъ аистъ! — расхохоталась Клавдія. — Опускаешь глаза и воображаешь, что скрыла свое волненіе... Аистъ, аистъ!..

— Милая барышня! — хочется сказать этой Клавдіи. — Аистъ занимается совсѣмъ другимъ дѣломъ, и молоденькимъ дѣвушкамъ знать объ этомъ надо было бы очень твердо.

Сатириконтцамъ пріятно сознавать, что „Сатириконъ“ дѣлается настольной книгой чуткой молодежи...

По крайней мѣрѣ, г. А. Дерманъ въ „Вѣстникѣ Европы“ („Гимназистка“) такъ описываетъ времяпрепровожденіе молодой дѣвушки:

— Одиннадцать часовъ, въ постель завалиться — позоръ. Почитать развѣ?

Женя оглядываетъ полки съ книгами и останавливаетъ выборъ на огромномъ фоліантѣ — годовомъ экземплярѣ номеровъ „Сатирикона“. Взобравшись съ ногами на диванъ, она пробѣгаетъ подъ рядъ „юмористическіе рассказы“ Аверченко, стихи Потемкина, остроты „Почтоваго ящика“. Хохочетъ.

Милая дѣвушка! За нее можно поручиться, что она не смѣшаетъ аиста со страусомъ, какъ дѣвушка г-жи Бебутовой.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „РЕВИЗОРА“.

(По случаю 75-лѣтія со дня постановки.)

Городничій (о турецкой арміи). «Это дрянная гарниза, надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ».

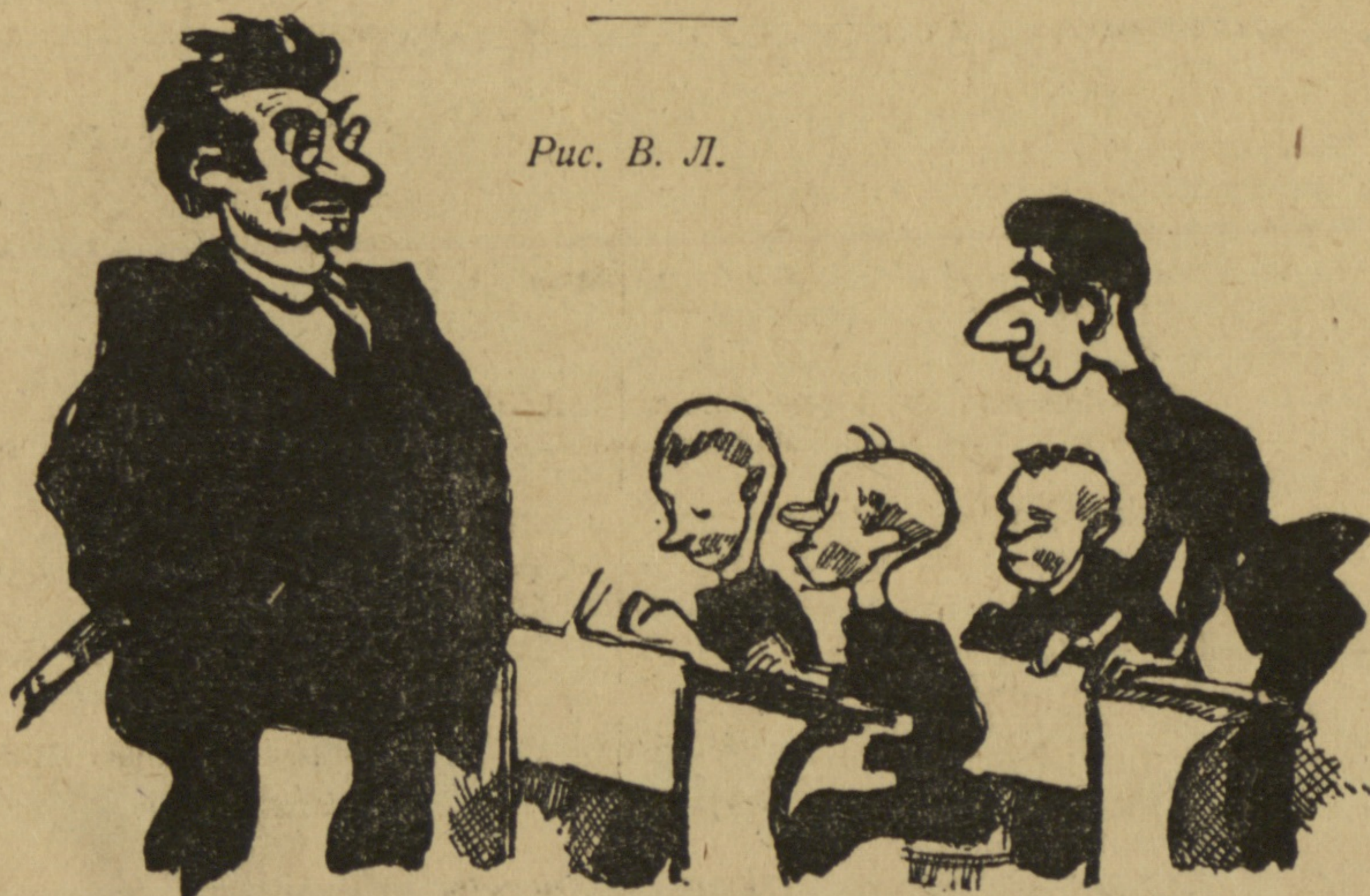

Рис. В. Л.

СЫНЪ СПЕКУЛЯНТА.

Учитель: — Назови мнѣ какую-нибудь гору въ Испаніи.

Ученикъ: — На что вамъ въ Испаніи? Разрѣшите, могу вамъ предложить очень хорошія горы въ Америкѣ.

Осипъ (о Вильгельмѣ Гогенцоллернѣ): «Эхъ, кабы узналъ это старый баринъ Бисмаркъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты кайзеръ, а, поднявши рубашку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бь четыре ты почесывался».

— Фердинандъ Кобургскій: «А одинъ разъ меня даже за главнокомандующаго приняли».

— Фердинандъ Кобургскій (о Вильгельмѣ): «Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка!»

Городничій (о російскомъ гражданинѣ): «Онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода».

Осипъ (о банкирскихъ конторахъ): «Выде, говорить, съ баринномъ мошенники и баринъ твой плуть! Мы-де, говорить, этакихъ шарамыжниковъ и подлецовъ видали».

Городничій (банкиру Д. Л. Рубинштейну): «Не желаете ли посѣтить острогъ и городскія тюрьмы?»

Осипъ (о немъ же): «Генераль-то онъ генераль, да только съ другой стороны...»

Хлестаковъ (въ мясопустный день): «Вѣдь мнѣ нужно ѣсть! Этакъ я могу совсѣмъ отоцать!»

Хлестаковъ (о вегетаріанскомъ обѣдѣ): «Что это за супъ? Какія-то перья плаваютъ».

Городничій (начиная врать по-хлестаковски): «На рынкѣ у меня повядина всегда хорошая...»

Петроградскій лавочникъ (покупателю): «Арбузъ—семьсотъ рублей!»

Лернеръ и Щеголевъ: «Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, братъ Пушкинъ?»

Выбралъ: Такой-то.

КУБАРЬ.

Красное, синее, зеленое!
Кубаремъ лечу по уклону, —
Опасно — такъ опасно.
Ничего не боюсь — я смѣлая, —
Верчусь въ жизненной гущѣ.
Зеленое, синее, бѣлое!
Берепитесь, мимо идущіе!
Въ вихрѣ — все многоцвѣтно,
Все обманно сверкаетъ —
И я рада, что не сразу замѣтно,
Кто я такая.
Кубаремъ лечу по уклону, —
Опасно — такъ опасно.
Красное, синее, зеленое!
Зеленое, синее, красное!

Л. Л.—сная.

Рис. В. Л.

ОТРЫЖКА.

— Ахъ, дружище! Совѣтую тебѣ пойти въ фарсъ. Тамъ сейчасъ демонстрируютъ препикантный трюкъ: актриса играетъ въ застегнутомъ наглухо платьѣ.

КУТЕЖЪ.

Какъ скучны люди, когда любишь одну
И только одну хочешь видѣть!..
Пойдешь къ веселымъ, но не тянетъ къ вину,
А грустью боишься обидѣть.

Смѣются люди. И, чтобъ главное скрыть,
Смѣешься и шутишь созвучно.
Ахъ, встать бы тихо, отойти и завѣть
Протяжно, безвыходно-скучно...

Но люди — люди. Не дано имъ понять
Голговы незримой, безкrestной.
Кричу, пьянью, пытаюсь обнять
Кого-то... Какъ больно! Какъ тѣсно!

Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Штука капитана Кука.

Всѣ знаютъ популярное выраженіе:

— Штука капитана Кука.

Но что оно значить — это никому не было извѣстно.

Теперь туманъ разсѣялся:

Извѣстное американское бюро путешествій Кука немедленно по окончаніи войны предполагаетъ устроить большую экскурсію на поля сраженій въ Европѣ. Бюро уже теперь открыло записку для желающихъ принять участіе въ этой экскурсіи американскихъ гражданъ.

И вотъ люди воюють, проливаютъ кровь, совершаютъ чудеса храбрости... А черезъ годъ подползетъ къ мѣсту битвы длинный дилижансъ, набитый американскимъ празднымъ любопытствующимъ мясомъ — и гидъ затянеть монотоннымъ голосомъ навязшій ему самому въ зубахъ монологъ...

О, Кукъ, Кукъ! Фабрикантъ міровой пошлости — кто тебя выдумалъ?..

Отливка пуль.

Если въ какомъ-нибудь случаѣ въ дуракахъ останется отдѣльный человекъ — онъ благоразумно промолчитъ объ этомъ.

Если въ дуракахъ остается цѣлое государство — оно начинаетъ вопить объ этомъ на весь свѣтъ:

— Люди добрые! Поглядите-ка, поглядите какого я дурака сваяло!..

Германская печать негодуетъ по поводу вѣроломства Румыніи. Ни для кого не тайна, — говоритъ она, — что Германія взаимнѣ румынскаго хлѣба ввозила въ Румынію амуницію. Значитъ, она, въ буквальномъ смыслѣ, отливала пули противъ собственныхъ сыновей.

За послѣднее время отливаніе пуль дѣлается спеціальною воинственной Германіи.

Товарищъ по перу.

Турецкій султанъ обѣднѣлъ до такой степени, что сталъ работать въ мелкой турецкой прессѣ:

Официальное турецкое агентство сообщаетъ о составленіи султаномъ стихотворенія, посвященнаго Энверъ-пашѣ и воспѣвающаго подвиги турецкихъ войскъ. Турецкія газеты, печатая стихотворный опытъ султана, поздравляютъ его съ возвращеніемъ къ литературнымъ традиціямъ калифовъ.

Конечно, печатно газеты „поздравляютъ“ султана, а что дѣлается въ тиши редакціонныхъ кабинетовъ — этого никто не знаетъ...

...Въ кабинетъ редактора входитъ редакціонный сторожъ и, почесывая поясницу, лѣниво сообщаетъ:

— Тамъ опять пришелъ этотъ.. со стихами.

— Кто?

— Да этотъ. Султанъ нашъ, прости Господи.

— А, черти его носятъ тутъ. Опять со стихами? И чего человекъ лѣзетъ, спрашивается? Разъ султанъ, такъ ты султанствуй, а не отбивай хлѣбъ у бѣдныхъ людей! Зови ужъ.

Пожилой человекъ робко протискивается въ кабинетъ, держа въ рукахъ сверточекъ, перевязанный голубой ленточкой.

— Иллъ Аллахъ, бисмилляхъ, — робко лепечетъ онъ — Россуль Ал...

— Ладно-ладно, — торопитъ редакторъ, — некогда тутъ... Опять стихи? Ну, давайте. Гм!.. Послушайте: какъ же вы такъ риѹмуете: „Энверъ“ и „кашеваръ“... Такъ нельзя.

— Ну, я напишу „кашеверъ“...

— Да такого слова нѣтъ.

— Чортъ съ нимъ. По-турецки сойдетъ. Пожалуйста, пустите.

— Да вамъ для чего это печатать?

— А я бы авансикъ взялъ. Небольшой, мнѣ много не требуется...

Закряхтитъ редакторъ и выдастъ записку въ контору.

А черезъ годъ султанъ и книжку стиховъ выпустить.

Почетный экземпляръ пошлетъ, конечно, Вильгельму II — тоже „брату писателю“.

Автографъ на книгѣ долженъ быть такой:

„Вильгельму Гогенцоллерну, товарищу по перу, вставленному намъ союзниками“.

Политики.

Въ Одессѣ даже болгаринъ дѣлается больше одесситомъ, чѣмъ болгаринотомъ... Онъ сидитъ въ кафѣ Робина и составляетъ универсалы:

Проживающіе въ Одессѣ болгары обратились съ воззваніемъ къ болгарскому народу, призывая изгнать Фердинанда Кобургскаго.

Воззваніе не по адресу.

Этимъ дѣломъ займутся не болгары, а русскіе вкупѣ съ румынами.

Расторопные люди.

Говорятъ:

„Передъ закономъ всѣ равны“.

Царскосельскіе воры это перефразировали:

„Передъ ворами всѣ равны“.

Въ Царскомъ Селѣ воры проникли въ зданіе царскосельской тюрьмы и разгромили квартиру самого начальника тюрьмы.

Ихъ не поймали. А если бы и поймали, то — общее удобство: недалеко въ тюрьму вести.

Азартная игра.

Каждый играетъ въ карты, какъ можетъ. Нѣкоторые — болѣе счастливо, другіе менѣе счастливо...

Но въ Аксаѣ открытъ способъ выиграть въ карты быстро, вѣрно и безъ хлопотъ:

Новочеркасскъ. Группа вооруженныхъ лицъ ворвалась въ общественное собраніе въ Аксаѣ и, ограбивъ игравшихъ въ карты на 1.000 руб., скрылась.

Въ петроградскихъ клубахъ съ игроками поступаютъ точно такъ же, только все это происходитъ культурнѣе и мягче.

Ощупываніе руками артистовъ въ Румыніи.

„Театръ и Искусство“ рассказываетъ, какъ былъ принятъ въ Румыніи русскій балетъ:

Русскій балетъ своею художественностью и высокой техникой настолько поразилъ воображеніе румынъ, что за кулисы приходили зрители, чтобы ощупать руками (?) артистовъ и убѣдиться, не отрѣзаны ли пальцы на ногахъ балерины — до того казалось имъ необыкновеннымъ искусство пуантовъ.

Такъ ли это?

Не было ли въ поступкѣ румынъ больше галантности, чѣмъ недовѣрія.

Свѣтлыя головы.

Газеты сообщаютъ о симпатичномъ начинаніи нашей учащейся молодежи:

Нѣсколько человекъ студентовъ, служащихъ въ земскомъ союзѣ (техническая походная контора въ Проскуровѣ), сочли за благо ввести въ союзѣ тѣлесное наказаніе для низшихъ служащихъ...

И съ Божьей помощью ввели... Гг. студенты приняли къ своему производству дѣло о дебошѣ, учиненномъ какими-то ихъ подчиненными, при чемъ техникъ, Н. П. Лянгишъ, сначала произвелъ предварительное слѣдствіе (съ мордобоемъ) и затѣмъ, установивъ наличность вины, перенесъ дѣло на рѣшеніе гг. студентовъ.

И гг. студенты не затруднились вынести приговоръ:

— Выпороть!

Изъ дѣла видно, что проскуровскіе „судьи“ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы экзекуція была обставлена съ возможной торжественностью.

Пороли во дворѣ технической конторы, при чемъ гг. „судьи“ въ полномъ составѣ наблюдали, какъ съ приговореннаго совлекали одежды, какъ его „разложили“ и какъ по его тѣлу засвистали „земскія“ розги.

Вотъ имена этихъ проскуровскихъ „судей“ — имена, имѣющія право на самую широкую извѣстность:

Н. П. Лянгишъ.

Н. И. Гостевъ.

А. З. Назаровъ.

По мнѣнію гг. Лянгиша, Гостева и Назарова — начальники имѣютъ право пороть своихъ подчиненныхъ.

Какъ хорошо, если бы у гг. Лянгиша, Гостева и Назарова были такіе же начальники.

ГОРОДСКІЕ ОВОЩИ.

Инженеръ Махинъ выростилъ на городской свалкѣ прекрасные овощи: полуаршинные огурцы, чудовищную капусту и проч.

Рис. А. Радакова.

— О, чудо! — воскликнулъ городской голова. — Гдѣ могли вырасти такіе чудесные овощи?
— На свалкѣ.

— Въ такомъ случаѣ, — обрадовался городской голова, — у насъ овощей будетъ сколько угодно!
— Почему?
— Свалокъ много. Вотъ, напримѣръ, трамвайная свалка.

... Вотъ сахарная свалка...

... И, наконецъ, свалка проектовъ городского благоустройства.
— Да, но на этой почвѣ вырастаютъ не овощи, а фрукты.
— Въ такомъ случаѣ, надо и ихъ на свалку!

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Когда человек хочет выругаться, так уж где ему в пустяках разбираться.

Журнал „Театр и Кино“ решил уязвить „Петроградское обозрение театров“.

И вот как просто „Театр и Кино“ это дѣлает... Замѣтка цѣликомъ:

„Петроградское Обозрение театров“ сообщает:

Въ Кіевѣ состоялась артистическая свадьба: известный режиссеръ Н. А. Поповъ обвѣнчался съ провинціальной артисткой Н. В. Лядовой.

— Здѣсь все правда, кромѣ того, что Лядова — опереточная артистка. Она — драматическая.

Но вѣдь „Обозрение театров“ и не говоритъ, что она — опереточная актриса!

— Все равно! — гудитъ „Театр и Кино“. — Пусть не лѣзет!

Обстоятельства военного времени.

— Послушайте: что это у васъ за суфлеръ? Кричить такъ, что на галеркѣ каждое слово слышно?!

— А это мы недавно взяли. Онъ, видите ли, раньше былъ брандмейстеромъ...

Т. К.

КОГДА ПЬЮТЪ ВИНО.

Что это — капризъ? Не надо быть гордой.

Ну, дайте мнѣ вашу перчатку — такую теплую и душистую.

Мнѣ кажется, что я листъ,

Закруженный остъ-нордомъ,

Когда вы смотрите своими синими иголками

Прямо въ мои мысли.

Влюбленные въ васъ безчисленны —

Что я? Хотите, я застрѣлюсь изъ двустволки,

Или изъ пушки — изъ чего прикажете?

Ахъ, какъ вамъ скучно со мной.

Вамъ надоѣло варетено шутовской пряжи,

А я тку мой коверъ для васъ одной.

Неужели вы бы не улыбнулись даже,

Если бы я умеръ? А если бы умеръ другой?

Ну хорошо, не надо, возьмите свою перчатку.

И какая же вы аристократка —

Вы ѣдите съ ножа...

Лидія Лѣсная.

Рис. В. Лебедева.

ШКУРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ Петроградѣ совершенно нѣтъ свободныхъ квартиръ.

— Вчера написалъ Собакину анонимное письмо, что Кутькинъ наставляетъ ему рога...

— Стыдись! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— А очень просто: Собакинъ, узнавъ, что жена ему измѣняетъ, вызоветъ на дуэль Кутькина, и кто-нибудь кого-нибудь ухлопаетъ...

— А тебѣ отъ этого какая польза?

— Ну какъ же: чья-нибудь квартира освободится, а я и сниму. Первымъ кандидатомъ записанъ!..

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Старому Дику. — Дикъ очень своеобразнаго мнѣнія о легчайшихъ способахъ проникнуть въ печать:

— „Я готовъ снять послѣдніе штаны, чтобы появиться въ „Сатириконтъ“...“

Мы находимъ, что это, наоборотъ, будетъ препятствіемъ.

Впрочемъ, независимо отъ одежды, стихи ваши производятъ самое безотрадное впечатлѣніе.

М. М.—у. (Пріѣзжему изъ Полтавы.) — Стихи веселые, но неуклюжіе:

„Ахъ, какая дороговизна:
Два рубля стоитъ головиза,
Впрочемъ, не важно, тринь-трава —
Будетъ у насъ на кашу одна крупа“.

Къ свѣдѣнію: каша дѣлается также и изъ березы.

Миссъ Джесси. — У Миссъ Джесси нѣтъ никакихъ дѣлъ, кромѣ выясненія одного существеннаго вопроса: „Куда посылать рукописи — на имя г. Аверченко или — редакціи „Новаго Сатириконтъ“?“

Лучше всего посылать рукописи въ редакцію „Вѣстника Европы“.

Инкубу. — Честный Инкубъ совершенно безкорыстно предлагаетъ: „Хотѣлось бы принести вашему журналу посильную пользу: какъ это сдѣлать?“

Спасибо, милый Инкубъ... Только намъ ничего не нужно. Будьте счастливы!

Ив. Потапову. — Маленькій отрывокъ изъ огромнаго разказа: „Онъ схватилъ ее за ребра и привлекъ къ себѣ“...“

Это — описаніе любовной сцены.

Вотъ намъ уже и довольно; вотъ мы уже и сыты.

Б. Провинція.

Комкову изъ Астрахани. — Сочинилъ этотъ Комковъ такіе стансы:

„Вскочилъ я подобно мальчишкѣ,
Ногой наступилъ на собаку
И, съ теткой не вступая въ драку —
Я выдавилъ ей (?) кишки“.

До тѣхъ поръ, пока ваши семейныя отношенія не наладятся — редакція считаетъ себя не въ правѣ привлекать васъ къ сотрудничеству въ журналъ.

Одесса — Э—вичу. — „Въ рукахъ у меня появился настоящій писательскій зудъ“.

Зудъ въ рукахъ — это еще не все. Ждите, пока до головы дойдетъ. Тогда можно начать.

„Изъ уголка“ — Рубленому. — „Мэри запахнулась въ дезабилю (?) и легла на оттоманку“.

Парле ву франсе? Нонъ?
Очень жалко.

Аве.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконтъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельныя
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПАПИРОСЫ

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX 10 шт.
отъ 40 к. — 1 р.

KNEVIVE 10 шт.
отъ 20 к. — 60 к.

CLASSIC 10 шт.
отъ 20 к. — 60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ
отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ
магазинахъ:

Т-во А. К. Богдановъ и Ко.

А. Гранъ
ПРОИСШЕСТВІЕ
ВЪ УЛИЦѢ ПСА.
Цѣна 50 коп.

Александръ
Князь изъ Альгаморы.
Цѣна 50 коп.

ВСЕМИРНО ИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МІРА.
БЕЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ
ВЕСНУШКИ, УГРИ,
ПЯТНА, ЗАГАРЪ
МОРЩИНЫ
И НЕКРАСОТЫ
ЛИЦА.

ДѢВУШКА 1916 ГОДА.

Она: — Хотите, поѣдемъ куда-нибудь ужинать?.. А если я вамъ не нравлюсь, какъ женщина — могу предложить другое: имѣю большую партію мучныхъ мѣшковъ или два вагона трехдюймоваго желѣза.